

Четырнадцатое число четвёртого месяца, столичный ресторан «Любование Луной».

Гу Цзинлань с самого утра собрался и поспешил на встречу. Толкнув дверь отдельного кабинета, он увидел, что министр доходов Шэнь Хань уже ждёт его. В своём простом синем халате, с бокалом вина в руке, он выглядел на редкость непринуждённо и элегантно.

Когда-то, получив от мужа письмо о разводе, он покинул дом, не желая возвращаться в семью, которая его предала. Взяв с собой двоих слуг, он купил дом и начал жить самостоятельно. За двадцать лет он проделал путь от мелкого чиновника седьмого ранга в Министерстве доходов до высокопоставленного вельможи второго ранга.

Сейчас ему едва перевалило за сорок — самый расцвет мужской силы. Его лицо, сохранившее благородные черты, утратило девичью нежность, но обрело зрелую уверенность. Время сгладило все острые углы, и теперь Шэнь Хань напоминал гальку, отшлифованную горным ручьём: внутренняя сила была скрыта за мягким, как у нефрита, спокойствием.

Увидев вошедшего Гу Цзинланя, Шэнь Хань обернулся:

— Чжуаньюань Лу пожаловал?

Он поднялся, наполнил бокал напротив и, протянув его Гу Цзинланю, первым поднял тост:

— О ваших смелых словах в Императорском кабинете я уже наслышан. Благодарю вас, чжуаньюань.

— Не стоит благодарности, господин министр, — Гу Цзинлань осушил бокал одним махом и, сохранив на лице ледяное выражение, добавил: — Цзялань лишь сказал правду. Лишь благодаря доверию Его Величества это дело удалось завершить.

Шэнь Хань, глядя на его бесстрастное лицо и на то, как решительно тот выпил вино, вспомнил слухи о нелюдимости Лу Саня... Он усмехнулся: этот малый вовсе не собирался строить ему гримасы. Хотя с таким характером в чиновничьей среде выжить непросто, но именно это в нём Шэнь Ханю и приглянулось.

— Я пригласил вас сегодня не просто так, — Шэнь Хань покачал головой с улыбкой. — Вы — любимец Его Величества. Хоть дело и решено, всё ещё возможны перемены... В будущем мне не раз придётся просить вас замолвить за меня словечко перед императором.

Шэнь Хань перешёл прямо к делу. Он увидел, как Гу Цзинлань замер на мгновение, но быстро пришёл в себя. Вместо уклончивых фраз или пустых отговорок, он торжественно поднялся и отвесил поклон:

— Господин министр, ваши слова слишком серьёзны. Если я смогу хоть чем-то помочь, Цзялань не поскупится на честное слово.

Не поспеет... Зная, что от Лу Саня порой и трёх слов не дождёшься, Шэнь Хань мысленно усмехнулся. Похоже, этот парень дал ему весьма весомое обещание.

Шэнь Хань принял решение в ту же секунду. Он осушил свой бокал и как ни в чём не бывало спросил:

— До меня дошли слухи, что чжуаньюань Лу намеревался служить в Министерстве доходов?

— Именно так, — ответил Гу Цзинлань. В конце концов, это было маленькое желание прежнего владельца тела.

— И что же вы надеялись там найти? — Шэнь Хань слегка улыбнулся, вертя в пальцах кубок.

Гу Цзинлань помедлил, затем поднялся со своего места, подошёл к Шэнь Ханю и, выпрямившись, с почтением поклонился, как ученик учителю:

— Я пришёл, чтобы постичь вашу основу, господин министр, благодаря которой вы обрели твёрдую опору в жизни.

— Ха-ха! Основу для жизни! Отличный ответ! — Шэнь Хань резко повернулся к нему, в его глазах блеснула суровость: — А знаешь ли ты, в чём она заключается?!

Гу Цзинлань промолчал, лишь слегка улынувшись в ответ. Его взгляд был спокоен, выражение лица — неизменно. Шестнадцатилетний юноша обладал редкой красотой, но его холодное, бесстрастное лицо делало его похожим на небожительницу, к которой невозможно прикоснуться. Лишь едва заметный изгиб губ выдавал в нём человека, способного поразить мир своей красотой.

Шэнь Хань почувствовал, как из глубины души поднимается подавленная печаль. Бессильный гнев, обида — всё это нахлынуло разом, пробуждая воспоминания о днях его собственной юности. Обида на несправедливость мира была ему знакома, но теперь он обрёл покой и больше не желал тратить силы на бессмысленные жалобы.

Этот юный чжуаньюань из клана Лу в свои шестнадцать лет уже обладал такой внешностью — самой яркой из всего, что он видел за сорок лет. Догадаться о его истинной природе было нетрудно. В юности Шэнь Хань был так же хорош собой, и именно это накликало на него беду, обернувшуюся принудительным браком. Казалось, если они рождались гэ-эрами, то само их существование уже было ошибкой.

— Если ты не боишься сплетен, заходи ко мне в поместье, когда будет время, — мягко сказал

Шэнь Хань, подавляя нахлынувшие воспоминания. Он смотрел на Гу Цзинланя с состраданием человека, познавшего жизнь. Мир жесток, путь труден, так почему бы не помочь тому, кто так похож на тебя?

— Мне нечему тебя учить. Ты обладаешь талантом чжуаньюаня, а я, даже сдав экзамены, получил лишь вторую степень, — признался Шэнь Хань. — Я родился в купеческой семье, и единственный мой талант — умение делать деньги из денег. Моя опора в жизни... — он поднялся, заложил руки за спину и холодно усмехнулся: — Если я стою во дворце с прямой спиной и никто из чиновников не смеет сказать мне дурного слова, то лишь потому, что за десять лет я удвоил казну государства.

Эти слова прозвучали легко, но Гу Цзинлань почувствовал за ними огромную уверенность. Он подумал, что неудивительно, почему прежний владелец тела так уважал этого человека. В мире, столь немилосердном к гэ-эрам, Шэнь Хань в одиночку добился таких высот — это действительно вызывало восхищение. Его внутренний стержень был несокрушим: если небо не даёт мне того, что я хочу, я возьму это сам!

Шэнь Хань посмотрел на всё ещё бесстрастное лицо Гу Цзинланя и вздохнул:

— Есть лишь одно, о чём прошу тебя помнить. Тебе уже шестнадцать, позаботься о своём браке заранее. Не повторяй моих ошибок, не доверяй тем, кто не стоит доверия, чтобы тебя не втоптали в грязь.

На середине разговора в дверь постучал слуга Гу Цзинланя. Стук был настойчивым и тревожным.

— Войди, — разрешил Шэнь Хань.

Слуга вбежал в комнату и упал на колени перед Гу Цзинланем:

— Господин Сань! Госпожа-мать упала, она при смерти... Пожалуйста, скорее возвращайтесь!

Гу Цзинлань тут же изменился в лице и, поспешно попрощавшись с Шэнь Ханем, бросился прочь.

В кабинете Шэнь Хань некоторое время сидел в задумчивости, а затем, вертя в руках бокал, тихо рассмеялся:

— Что ж, теперь по крайней мере на какое-то время можно не волноваться.

Если госпожа Лу скончается, Гу Цзинлань, как прямой потомок, будет обязан соблюдать траур три года... В течение этих трёх лет о браке можно не беспокоиться.

Шэнь Хань смотрел на пустую комнату, в которой остался один, и, вздохнув, налил себе ещё вина. Похоже, теперь у него наконец-то появится собутыльник. Его улыбка была мимолётной и скрывала глубокое, щемящее одиночество.

Он пил вино, глядя на людской поток за окном, и вдруг его взгляд замер: в толпе стоял человек в тёмном одеянии и сапогах из оленьей кожи. Он не двигался и пристально смотрел прямо на него.

Шэнь Хань усмехнулся и захлопнул окно. Прошло двадцать лет, а тот человек всё такой же самоуверенный.

Госпожа Лу скончалась. Весь дом облачился в белое. Пятеро чиновников из клана Лу подали прошения о временной отставке из-за траура. Иньюань-ди, глядя на прошение Гу Цзинланя, с тоской подумал, что его собственный сын теперь обязан соблюдать траур по чужой женщине...

У прежнего владельца не было особых чувств к этой госпоже — да и вообще к кому-либо в этом поместье. В конце концов, все здесь считали его чужаком, так что неудивительно, что он вырос с холодным сердцем. Гу Цзинлань исполнил долг траура, но горя не испытывал. А что касается Лу Юаньшао — восемь лет мальчик жил в этом доме, и никто не обращал на него внимания, пока не появился Гу Цзинлань.

В своём дворе Гу Цзинлань установил деревянную стойку, заварил чай и протянул чашку Лу Юаньшао:

— Раз уж я в трауре, ближайшие три года буду учить тебя. Не разочаруй меня.

Лу Юаньшао украдкой наблюдал за его плавными движениями и думал, что изящество его маленького дяди несравнимо ни с кем из дочерей старших ветвей клана. Как там говорили? Отрада для глаз! Точно, отрада для глаз!

Мальчик энергично закивал. Мысль о том, что ближайшие три года дядя будет рядом, согревала его, и даже обида на покойную госпожу Лу поутихла.

Гу Цзинлань нанял врача и мастера боевых искусств. Врач приходил раз в три дня, а мастер — каждый день после полудня. Жизнь Лу Юаньшао вошла в колею: два часа учёбы с дядей утром, два часа тренировок днём и час чтения вечером.

Время летело быстро. Через три месяца Лу Юаньшао уже уверенно читал книги. Больше всего ему нравилось, когда дядя читал вслух — его голос, чистый, с лёгкой хрипотцой, казался мальчику волшебным.

Иногда, подняв голову, он видел сосредоточенный профиль дяди: идеальные линии от лба до

переносицы, длинные густые ресницы, отбрасывающие тень на щёки, и алые, словно накрашенные помадой губы. Он знал, что если подойдёт со спины, то увидит на его шее крошечную родинку в форме красного кристалла. Та, казалось, мерцала, словно приветствуя его.

Лу Юаньшао, которому не хватало этих трёх часов, попросил разрешения бросить тренировки, но Гу Цзинлань, не отрываясь от книги, слегка щёлкнул его по лбу:

— Что за глупости ты говоришь? Раз мастер говорит, что у тебя талант, учись как следует. Когда-нибудь отправишься на поле боя — глядишь, и титул себе заработаешь.

Каждое первое и пятнадцатое число месяца Гу Цзинлань навещал Шэнь Ханя. Они оба хранили молчание о тайне происхождения Гу Цзинланя. Шэнь Хань учил его с усердием, а Гу Цзинлань учился — как актёр, он знал, что нужно постоянно познавать новое, чтобы вжиться в любую роль.

Слухи в городе множились, но Гу Цзинлань лишь усмехался. Он знал, кто за этим стоит, и помнил слова Шэнь Ханя о том, что перед лицом настоящей силы любые сплетни бессильны.

А тем временем из далёкого Цзяннани пришло известие: люди Гу Цзинланя, приложив огромные усилия, нашли в Янчжоу художника, который когда-то писал портрет Гуйжэнь Лань. Свиток был доставлен в столицу. Развернув его, Гу Цзинлань увидел улыбающуюся, беззаботную девушку и почувствовал, как сердце сжала огромная печаль.

Печаль прежнего владельца тела, словно прилив, захлестнула его. Сходство черт лица не оставляло сомнений: Гуйжэнь Лань была его родной матерью. Та, что должна была стать наложницей покойного императора, но родила его от нынешнего правителя.

Он жаждал узнать правду. Седьмого числа седьмого месяца, переодевшись в простую одежду, Гу Цзинлань отправился в Каменный лес в пригороде столицы.

Су Цзиньхуэй, переодетая служанкой, тайком выбралась из дворца и ждала его на месте. Услышав шаги, она обернулась и посмотрела на своего «двоюродного брата». Даже в простой одежде, с бесстрастным лицом, он выглядел ослепительно.

Долго молчав, Су Цзиньхуэй наконец вздохнула:

— Пойдём со мной. Помолимся твоей настоящей матери.